

— А как насчёт этой сине-белой тыквы-горлянки? Какая цена? Цвет такой красивый, явно современная, не обманывай меня. — Сюй Эр указал на соседнюю сине-белую тыкву-горлянку с узором из пионов, делая вид, что выбирает её из милости, будто оказывает Призраку Чжану огромную услугу.

— Эта? Настоящая сине-белая тыква-горлянка с узором из пионов середины династии Цин, подражание сине-белому фарфору Юань. Отдам за семь тысяч.

— Брат, ты снова меня обманываешь. Тыквы середины Цин не могут быть такими яркими, патина совсем не толстая. Когда я беру её в руки, она слишком тяжела, скорее поздняя Цин. Две тысячи, у меня не так много денег, всё отдал семье. — Сюй Эр надул губы, внутренне аплодируя своему актёрскому мастерству.

— Чуть! Вещи поздней Цин могут иметь такие реалистичные узоры? Такие живые? Минимум шесть тысяч, иначе я останусь в убытке. — Услышав торг, Призрак Чжан тоже оживился. Торг означает, что вещь понравилась, и сделка может состояться.

— Я не вру. В книгах написано, что фарфор династии Цин в ранний период, особенно времён Канси, был более массивным, а в другие периоды предпочтение отдавалось лёгкости. В поздний период, из-за социальных потрясений, производство на заводах снизилось, и чтобы удовлетворить требования знати, в технологии и материалах произошли изменения, и изделия стали более массивными. Две тысячи восемьсот, я даю тебе цену с учётом твоих усилий. Я не верю, что ты останешься в убытке. — Сюй Эр быстро соображал, думая, как дальше торговаться.

— У меня такая большая тыква, себестоимость не может быть две тысячи восемьсот. В соседнем магазине подделок такие тыквы стоят пять тысяч. Пять тысяч — это моя закупочная цена, брат. Ты уже некоторое время здесь, должен знать, что вещи у меня хорошие. Ниже не продам. — Услышав это, Призрак Чжан задумался, не ошибся ли он в оценке, но это не имело значения. Эту вещь он купил по случаю в старом доме, полударом. Говорили, что дед той семьи купил её в маленьком магазине за двадцать серебряных монет, так что вряд ли это что-то ценное.

— Нет, нет, брат Чжан, у меня всего пять тысяч. Если я отдам всё, мне придётся голодать. Четыре тысячи, брат, это моё последнее предложение, пожалей меня. — Сюй Эр чувствовал, как его уши покраснели. Это был решающий момент, нужно было рискнуть, иначе шанс упустят.

Сюй Эр заметил эту тыкву издали. Она словно парила в воздухе на высоте четырёх-пяти метров, яркие и чистые синие пионы, грациозно покачивающиеся, десятки цветов, каждый в своей форме, образуя узор размером в три метра. Сюй Эр не мог это игнорировать.

В последнее время он везде видел украшения с пионами, вспомнил лаковую шкатулку в доме У Паня, на которой тоже были узоры с пионами.

Хотя в древности пионы называли королями цветов, и их использование в декоре было популярным.

Это был второй раз, когда Сюй Эр видел узор, образованный ореолом, и он был полон решимости заполнить эту вещь, что и привело к предыдущей сцене.

— Ладно, ладно, сегодня я только жду открытия, четыре тысячи так четыре тысячи. Ты, парень, молодец. — Призрак Чжан поднял большой палец в знак одобрения.

Сделка состоялась?

Сюй Эр изо всех сил старался не улыбаться, достал из сумки деньги, которые снял ранее, отсчитал сорок купюр и передал их Призраку Чжану:

— Желаю вам процветающего бизнеса.

— Ладно, ладно, я найду коробку, упакую, и ты заберёшь её. — Получив деньги и услышав пожелание, Призрак Чжан улыбнулся.

Положив тыкву в рюкзак, Сюй Эр продолжил прогулку. Только что он потратил четыре тысячи, и в душе было немного тревожно, надеялся, что позже сможет вернуть их.

У конца улицы, где всегда было мало торговцев, находились три самых известных антикварных магазина на улице Дунтай. Там прилавки практически не приносили дохода.

Сейчас здесь было четыре или пять разрозненных прилавков, и по сравнению с оживлённой частью улицы, здесь было пустынно.

На этих прилавках продавались в основном монеты и различные поделки, но один большой прилавок выделялся несколькими резными деревянными изделиями.

Сюй Эр был заинтересован не в резьбе, а в огромном количестве монет, которые буквально кружили голову.

Он отобрал все монеты с ореолом, потратив сто сорок юаней, затем купил в соседнем магазине немного красной нити и вернулся на свою бывшую работу, где шёл ремонт.

В лавке была комната отдыха, которая уже была готова, и Сюй Эр, пользуясь тем, что он родственник хозяина, спокойно прошёл туда, достал монеты и аккуратно связал их в три набора монет Пяти Императоров: Шуньчжи, Канси, Юнчжэн, Цяньлун и Цзяцин.

Один набор был из двенадцати монет с изображением зодиакальных животных, другой — из монет с изображением горных духов и восьми триграмм, а третий — из монет с сотней иероглифов «долголетие» и «счастье».

Эти три набора монет Сюй Эр отнёс в Зал Цзюйбао, где старейшина Чжан, увидев, что Сюй Эр смог собрать три полных набора, был очень рад и предложил хорошую цену. Когда Сюй Эр вышел из Зала Цзюйбао, на его карте оставалось 2 110 юаней, что было неплохим результатом. По крайней мере, он не будет голодать в ближайшие дни. Сюй Эр, довольный, отправился домой.

Очевидно, он забыл, что Чэнь Чжибэй уже оплатил его питание у тёти Цзэн.

Благодаря своему маньчжурскому происхождению, Сюй Эр немного больше знал о периодах правления национальных меньшинств в истории Хуася, особенно о династии Цин.

Даже сейчас он часто засыпал с записями, и хотя сцены и диалоги в его снах были уже знакомы до мелочей, он всё равно погружался в них, рассматривая различные предметы.

Даже обычные вещи в комнате прадеда он изучал внимательно.

Вещи династии Цин, даже обычная кисть для письма, сейчас считаются антиквариатом.

А с тех пор, как у него появился нефрит Цыгана, Сюй Эр стал лучше разбираться в резьбе периода Мин. В сочетании с его первой работой — оберегом «Безопасного пути» из мелколистного сандала, в котором была резьба периода Сун, его навыки резьбы значительно улучшились.

Однако сейчас Сюй Эр всё ещё только практиковался на небольших деревянных брусках, а к работе с настоящими ценными материалами он ещё не был готов. Даже на лаковую шкатулку, которую он принёс из дома У Паня, он не решался наложить руку, хотя уже сделал три эскиза.

Кроме того, благодаря изучению одежды и эстетики периода Тан через медные подставки для циновок, Сюй Эр мог с уверенностью сказать, что эта сине-белая тыква-горлянка с узором из пионов не принадлежит к знакомым ему династиям.

Во-первых, основываясь на записях и книгах по антиквариату, которые он купил в магазине, Сюй Эр мог определить, что материал для этой сине-белой тыквы был не местного производства, а импортный.

В истории Хуася импортный синий пигмент, известный как сумалицин, использовался только в периоды Юань и ранний Мин (Юнлэ и Сюаньдэ).

Во-вторых, сине-белый фарфор появился ещё в период Тан, но тогда он не был популярен, особенно среди знати.

Люди Тан отличались свободолобием и любили яркие, сложные узоры, а сине-белый фарфор не соответствовал этим требованиям.

В период Сун эстетика была близка к танской, но в технологии производства сине-белого фарфора не было значительного прогресса.

В период Цин, хотя и подражали изделиям Мин, импортный пигмент уже не использовался, а применяли местный.

Поэтому Сюй Эр заключил, что эта сине-белая тыква-горлянка с узором из пионов была создана в период Юань или Мин, но точно определить время он не мог.

Но завтра он узнает ответ. Сюй Эр посмотрел на часы: сейчас шесть вечера, нужно поесть, прибраться и сразу лечь спать.

Сюй Эр с двух часов дня, как вернулся домой, держал в руках эту сине-белую тыкву-горлянку, внимательно ощупывая её поверхность, чувствуя тонкую текстуру и иногда встречающиеся «вмятины», которые были характерной особенностью сумалицина.

<http://bllate.org/book/16299/1470182>